

Агата Янссон

Эхо мыслей

18+

Агата Янссон

Эхо мыслей

<https://litres.ru/74242964>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он всегда будет рядом.

Анна — талантливый ювелир, чья жизнь выверена до микрометра. Но её идеальная геометрия внезапно дает сбой: предвыставочный стресс оборачивается затяжной бессонницей, навязчивыми ритуалами и тяжелым творческим кризисом. В попытке спасти угасающее воображение Анна по совету подруги обращается в частную клинику к психотерапевту доктору де Векки.

Де Векки — практикующий врач государственной психиатрической больницы, разочаровавшийся в черствых стандартных схемах лечения, лишенных настоящего человеческого тепла и сострадания. В хрупком, ускользающем разуме Анны он видит редчайшее произведение искусства, но какую цену им придется заплатить за ее спасение?

Содержание

Глава 2. Идеальная геометрия	10
Глава 3. За стеклом витрины	16
Глава 4. Право на слабость	27
Глава 5. Доктор де Векки	40
Глава 6. 50 минут	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Агата Янсон

Эхо мыслей

Глава 1. Ана и Яна

Осеннее солнце пробивалось сквозь старую ажурную занавеску, оставляя на полированном дереве стола мелкую, дрожащую сетку теней. В маленькой уютной мастерской «Ана&Яна» привычно стоял запах кофе и ментола. Казалось, он намертво прилип к самим стенам, впитался в них и не поддавался никаким проветриваниям.

Анна сидела у окна, низко наклонившись над листом плотной тонированной бумаги. Мягкий карандаш тихо шуршал, оставляя тонкие графитовые линии. Анна проектировала серебряную подвеску, в центре которой должен был по ее задумке находиться необработанный кусок дымчатого кварца. Кварц лежал тут же, на углу стола, в пластиковом лотке. Солнечный луч дробился внутри его неровных граней, вызывая у Анны невольное восхищение. Она замерла, вглядываясь в кристалл, такой несовершенный и вместе с тем — идеальный. Природа создала его, как настоящее произведение искусства, а человеку оставалось лишь подобрать для этого шедевра достойную раму.

— Энн, ну ты зависла, — Яна выключила бормашину. Наступившая тишина показалась Анне слишком густой, почти физически ощутимой.

— А? Что? — она виновато улыбнулась, отводя взгляд от кварца.

— Я тебе уже третий раз говорю: Зимина сказала, что это классический симптом выгорания.

Яна сдвинула на лоб защитные очки, оставившие на ее тонкой переносице красный след, и потянулась к своей электронной сигарете. По мастерской поплыл сладкий, химозный запах ментола и черники. Яна отвечала за практическую часть их общего дела: она заливала металл, шлифовала, общалась с клиентами и вела скучную бухгалтерию. На вывеске их студии её имя стояло вторым, но Анна всегда знала, какой несопоставимо больший вклад вносит в дело ее подруга. Знала, что без Яны эти стены остались бы просто арендованной комнатой в промзоне.

— Зимина — это... — Анна потеряла лоб, вспоминая.

— Зимина — это просто чудо, — Яна встряхнула густые рыжие кудри. — Она принимает в «НоваМед», клиника приличная, чистая, я не ожидала. Она мне выписала какие-то таблетки для сна, и ты знаешь, помогло! Я впервые за полгода сплю как человек, а не дергаюсь от каждого шороха. Очень ее рекомендую, очень. Тебе бы тоже было полезно к ней записаться, а то я вижу, тебя будущая выставка уже в зомби превращает.

Анна подняла голову и улыбнулась. Яна была в своем репертуаре: все, что ей нравилось или подходило, она начинала настойчиво, чуть ли не профессионально рекламировать

окружающим.

— Я просто увлечена эскизом. Всё нормально. Выставка через две недели, мы не успеваем с гарнитуром. Если я сейчас расслаблюсь, мы провалим заказ для галереи.

— Галерея подождет, а твоя кухня — нет, — Яна поднялась, обтряхивая с передника мелкую серебряную пыль, которая блестела на ткани, как звездная крошка. — Ты вчера свой телефон три часа искала, я на него пять раз звонила, но где там! Он же все время на беззвучном! И где он потом нашелся? В машине у Артура. Ты даже не помнишь, что пришла без него.

— Это просто усталость, — тихо сказала Анна, возвращая карандаш к бумаге. — Пройдет.

— Ладно, на сегодня все. Памятник нам никто не поставит, если мы будем сидеть в мастерской до потери пульса. Зими́на говорит, режим — это святое, на него нельзя покушаться. Давай, я побежала!

Анна кивнула, отложила наброски и тоже начала собираться домой. Мысли все время крутились вокруг подвески с кварцем, а потому обратной дороги она совершенно не запомнила. Квартира Артура встретила её привычным, едва уловимым запахом кондиционера для белья и ароматом запеченной рыбы. На белой глянцевой тумбе в прихожей лежал аккуратный лоток для ключей и украшений, ровно по центру. Ключи Артура были там, значит, сам он уже вернулся с работы и теперь хозяйничал на кухне.

Едва Анна переступила порог, он выглянул в коридор и помахал ей. Потом вытер руки полотенцем и вышел ее встречать. Он мягко, но уверенно перехватил у неё тяжелую сумку с инструментами и эскизами, которую она тащила на плече.

— Привет, — он поцеловал её в висок. — Опять тяжести носишь. Я же просил тебя оставлять всё это в мастерской. Зачем таскать работу домой?

— Там новая коллекция, — ответила Анна, разуваясь и с наслаждением надевая мягкие домашние тапочки, которые Артур заранее выставил для неё. — Хотела вечером еще раз все пересмотреть.

— Вечер — для отдыха, Энн, — Артур улыбнулся своей безупречной, успокаивающей улыбкой и унес сумку в кладовую, скрывая её с глаз. — Садись за стол. Всё уже готово.

Ужин был бесподобен. Артур любил проверенные рецепты и не признавал, когда в них вносились сомнительные корректировки. Анна с улыбкой наблюдала, как он раскладывает еду по тарелкам из тяжелого матового фарфора. Его движения были точны, как у человека, который привык ценить каждую секунду своего времени. Артур работал аналитиком в крупной инвестиционной компании, и вся его жизнь состояла из графиков, которые всегда стремились вверх.

— Я смотрел счета вашей мастерской, — между делом заметил Артур, орудуя ножом и вилкой. — Чистая прибыль за прошлый квартал едва покрывает аренду.

— У нас был простой из-за поставки кварца, — Анна вяло

ковыряла вилкой рыбу. Усталость навалилась на неё тяжелой плитой, стоило только расслабиться. — Скоро выставка в галерее, мы всё отобьем.

— Выставка — это разовое мероприятие, — Артур отложил приборы, вытер губы полотняной салфеткой и посмотрел на неё с грустинкой человека, вынужденного говорить неприятную правду. — Подумай о себе. Зачем тебе этот хаос, переработки, нервотрепка? Я зарабатываю достаточно, чтобы ты могла просто рисовать в свое удовольствие. Здесь, дома. Купим тебе хороший мольберт, планшет. Будешь делать эскизы для души, а не ради того, чтобы успеть к дедлайну.

Анна почувствовала укол раздражения, а следом — чувство вины. Артур любил её, заботился, и отвечать ему хамством было в высшей степени неправильно, тем более, что все, что он сказал, было правдой.

— Я подумаю, — пообещала она, опуская глаза.

— Хорошо, милая. Давай ты просто доведешь эту выставку, и мы вернемся к нашему разговору, — он мягко накрыл её ладонь своей. — А пока тебе нужно отдохнуть. Ты слишком напряжена.

После ужина Анна ушла в ванную, где включила горячую воду, позволяя пару заполнить комнату. На душе было смутно. Стоя под струями воды, она закрыла глаза. Перед мысленным взором всё еще крутились линии подвески, серебряные ветви, которые должны были обнимать кварц, но никак

не хотели ложиться вокруг него в идеальную форму.

Она выключила душ, вытерлась жестким полотенцем и подошла к зеркалу, чтобы стереть ладонью конденсат. Капли воды медленно сползали по стеклу вниз, оставляя прозрачные дорожки. Анна засмотрелась на то, как две крупные капли соединились в одну, а затем плавно обогнули след от её пальца, словно обтекая невидимую преграду. Голова гудела. Пора было ложиться спать.

Глава 2. Идеальная геометрия

До открытия выставки оставалось десять дней, и воздух в мастерской, казалось, стал гуще от мелкой серебряной пыли и общего нервного напряжения. Подоконник был завален картонными коробками с логотипом мастерской, рулонами пупырчатой пленки и стопками неоплаченных счетов за аренду плавильной печи. Батареи центрального отопления грели на полную мощность, и в комнате стояла настоящая жара.

Яна работала без перерыва с самого утра. Бормашина в её руке визжала на высоких оборотах, обтачивая массивный каст под крупный раухтопаз. Металлическая стружка летела на её кожаный передник.

Анна сидела напротив, у своего стола. Перед ней на деревянной подставке лежала трехкратная лупа и три восковые модели подвески. Она уже три часа подряд выглаживала надфилем микроскопический изгиб восковой ветви, которая должна была удерживать дымчатый кварц. Воск был капризным: от тепла её пальцев он слегка размягчался, и форму приходилось корректировать снова и снова.

— Энн, ради бога, хорош его лизать, — Яна резко щелкнула тумблером, и бормашина, снижая обороты, затихла. — Мы не успеваем. Нам нужно сдать отливки до четырех часов, иначе они перенесут нас на понедельник. А в понедельник

камни уже должны быть закреплены.

Анна не подняла головы. Её пальцы в резиновых напальчниках продолжали совершать короткие, едва заметные движения.

— Если каст будет хоть на полмиллиметра шире, камень начнет люфтить, — тихо, но упрямо ответила она. — Ты же знаешь, я не могу сдать вещь с люфтом.

— Да никто, кроме тебя, не увидит эти полмиллиметра! — Яна раздраженно сбросила защитные очки на шею и устало потерла глаза, размазывая по лицу пыль от полировальной пасты. — Галерее нужен объем. Им нужна коллекция из двенадцати предметов, понимаешь? У нас готовы девять. Если мы выставим пустую витрину, нас больше туда не позовут. Ты забурилась в детали, Энн. Ты тратишь часы на то, что решается обычной финальной полировкой.

Анна наконец отложила инструмент и выпрямилась. Поясница немедленно отозвалась тупой болью.

— Я просто хочу, чтобы всё было правильно, — попыталась объяснить она, уязвленная словами подруги. — Это ведь наше лицо. Наш бренд.

— Наш бренд обанкротится, если мы сорвем сроки, — Яна вздохнула, её голос смягчился, вернувшись к привычной дружеской интонации. Она подошла ближе и мягко хлопнула Анну по плечу. — Ладно, прости. Я сама на взводе. Кофе будешь? У меня в сумке остался утренний круассан. Давай сделаем перерыв на пятнадцать минут, иначе мы тут

друг друга скоро поубиваем.

Обедали в крошечном подвальном кафе через два квартала от мастерской, где из узких окон под самым потолком были видны только щиколотки и обувь прохожих. Город жил своей торопливой, хаотичной жизнью, от которой у Анны сегодня слегка шумело в ушах.

Яна с аппетитом ела слоеный круассан, оставляя на тарелке мелкие жирные крошки. Анна едва прикоснулась к своей тарелке: от духоты в кафе и мастерской она совсем не чувствовала голод.

— Это из-за него ты такая, да? Из-за Артура? — Яна кивнула на телефон Анны, который лежал на столе экраном вниз. Артур прислал короткое сообщение ровно в тринадцать ноль-ноль: *«Не забудь пообедать. Люблю.»*.

Анна вздохнула, помешивая остывающий в ее тарелке суп.

— Он не делает ничего плохого. Просто заботится. Вчера привез мне новые анатомические стельки для обуви, потому что я поменяла туфли и упомянула, что к вечеру гудят ноги. Представляешь, такая мелочь, а запомнил.

— Но? — Яна прищурилась, отпивая латте.

— Но иногда мне кажется, что я для него — очередной инвестиционный проект, — Анна грустно усмехнулась, подперев подбородок ладонью. — Он пытается минимизировать риски, а наша мастерская для него — это просто неэффективный хаос, который нужно оптимизировать. Он искренне

считает, что, если я буду сидеть дома, мне станет лучше.

Яна замолчала, серьезно глядя на подругу.

— Слушай, Энн, — она отложила салфетку. — Это ненормальное давление. Ты и так на пределе из-за коллекции, а тут еще он со своим заботливым нытьем подливает масла в огонь. Сходи к Зиминной. Серьезно. Она не только таблетки выписывает, она отличный терапевт. Поможет тебе разложить этого твоего Артура по полочкам, выставить ему границы. А то он скоро совсем тебя сожрет.

Анна качнула головой, и пара светлых прядей упала ей на лицо. Она аккуратно заправила их за ухо.

— Перестань. Со мной всё в порядке. Я абсолютно нормальна. У меня просто предвыставочный стресс и парень-аналитик, который слишком любит графики. Психотерапевт мне не нужен. Я сама со всем разберусь. Вот сдадим коллекцию — и я спокойно с ним поговорю.

Яна только вздохнула и спорить не стала, зная упрямство подруги. Анна посмотрела в окно под потолком. Там, на тротуаре, серая женская туфля на каблуке наступила точно в стык между двумя гранитными плитками. Секунда — и нога двинулась дальше, в такт бешеному ритму города.

К десяти вечера промзона вокруг мастерской окончательно затихла. За окном расстилалась густая, сырая темнота, в которой изредка проезжали запоздалые машины, оставляя на потолке длинные, медленно плывущие полосы желтого

света. Яна ушла пару часов назад, забрав коробку с готовыми отливками. На прощание она привычно щелкнула выключателем, оставив гореть только настольную лампу.

Анна же решила немного задержаться. Она сидела, низко опустив плечи и зажав пальцами старый штангенциркуль со стертой шкалой. Металл за день успел остыть и теперь приятно охлаждал подушечки пальцев.

Перед ней на куске плотного фетра лежала свежеизготовленная подвеска. Серебряные ветви вышли четкими, но теперь их нужно было подогнать под размеры камня. Затаив дыхание, Анна сделала замер. Шкала показала ровно четырнадцать и две десятых миллиметра.

Анна отложила инструмент, взяла кварц пинцетом и примерила его к оправе. Камень сел плотно, без малейшего зазора. Всё было идеально. Намного лучше, чем она надеялась после их недавнего спора с Яной.

Она потянулась, чтобы положить украшение в лоток, но рука на полпути остановилась. В голове вяло шевельнулась мысль: а правильно ли она считала показания? Туда ли смотрела? Анна выдвинула верхний ящик стола и достала оттуда электронный штангенциркуль. Нажала кнопку и сделала второй замер. Экран показывал четырнадцать и две десятых.

Она кивнула сама себе. Опустила инструмент на стол и закрыла глаза. У основания черепа снова заворочалась тупая, знакомая боль — плата за двенадцать часов работы при плохом свете. Нужно было собираться домой, Артур навер-

няка уже ждет.

Анна открыла глаза, взяла сумку, но ее взгляд снова упал на подвеску. Ей вдруг показалось, что она не запомнила цифру на шкале. Точнее, она помнила, что там было четырнадцать и две десятых, но это значение больше не выглядело правдоподобным. Ей начало казаться, что она его выдумала только что, а настоящий замер благополучно забыла.

«Засыпаю на ходу», — подумала она с легким раздражением на собственную рассеянность.

Она аккуратно, стараясь не спешить, в третий раз взяла штангенциркуль. Четырнадцать и две десятых. Анна заставила себя посмотреть на дисплей прибора несколько секунд, запоминая цифры, как номер телефона. Затем медленно, с усилием отложила инструмент в сторону, выключила лампу и пошла к выходу, нащупывая ключи в кармане пальто. Это была очень долгая неделя.

Глава 3. За стеклом витрины

За три дня до выставки Анна словно поймала утерянный ритм. Вялость, терзавшая её последнюю неделю, отступила, оставив после себя удивительную, звенящую пустоту в голове. Мысли стали короткими и функциональными. Мозг больше не отвлекался на посторонний шум.

Работа шла на удивление споро и легко. Серебряные ветви после плавки вышли плотными, без единой поры.

— Это просто невероятно, — Яна стояла у неё за спиной, держа в руках готовое украшение. — Посмотри на этот блеск. Металл лег идеально. Ты гений, честное слово.

Анна аккуратно сложила инструменты в деревянную подставку: надфиль к надфилю, пинцет к пинцету. Она была необычайно горда собой. Она справилась. Сама, без всяких врачей, таблеток и чужих советов. Всё, что ей было нужно — это просто собраться, отсечь лишние эмоции и сделать свою работу.

— Я же говорила, что это просто усталость, — Анна подняла на подругу глаза и улыбнулась легкой, торжествующей улыбкой. — Мы успеваем. Упаковывай.

Яна облегченно выдохнула и потянулась за упаковочной бумагой. Последние коробки с тисненым логотипом легли в большую дорожную сумку. В мастерской наконец-то воцарился порядок, который так ценил Артур. Анна окинула

взглядом чистый стол. Всё было на своих местах. Как и она сама.

Ресторан «Горизонт» располагался на последнем этаже нового делового центра. Артур выбрал его сам, за три недели до ужина: он не любил спонтанных решений и всегда закладывал время на непредвиденные обстоятельства. Анна никогда не вникала в процесс бронирования; её пугала сама необходимость звонить, слушать вежливый, но чужой голос, выбирать между залом у окна и зоной у бара. Артур избавлял её от этого тихо и эффективно.

За стеклянными дверями начиналось большое, геометрически выверенное помещение в современном стиле. Цветовой выбор был простым и лаконичным: только приглушенные, матовые тона: темно-серый бетон, полированный черный мрамор и мягкий, точечный свет, падающий строго на центр каждого стола.

Артур сидел напротив. На нем был коричневый кашемировый джемпер, рукава которого он аккуратно подтянул до предплечий, обнажая массивные швейцарские часы. Он изучал меню на планшете с той же сосредоточенностью, с какой по утрам просматривал биржевые сводки.

— Я заказал для тебя осьминога на гриле с пюре из пастернака, — сказал он, не поднимая глаз. — Здесь его готовят правильно, без лишней плотности. И белое сухое, урожай девятнадцатого года. Тебе нужно восполнить баланс

белков. Ты за эти дни растратила слишком много энергии.

— Спасибо, — Анна положила руки на колени под столом. Ей не хотелось смотреть на свои пальцы: даже после тщательного мытья под ногтями оставался едва заметный серый налет от полировочной пасты, который сейчас казался ей грязным пятном на безупречной скатерти. А еще потому, что она так и не переросла детскую привычку, продолжая грызть ногти. — Ты прав, я действительно выжата. Но всё получилось. Подвеска вышла идеальной.

Артур поднял голову. Его взгляд — прямой, оценивающий и теплый — зафиксировал её лицо. Он удовлетворенно кивнул.

— Я рад, что ты взяла себя в руки. Можешь ведь, когда захочешь. Твоя главная проблема — это отсутствие системности. Ты слишком долго ищешь форму, поддаешься настроению. Бизнес не прощает медлительности и сомнений. Но сегодня ты выглядишь отлично.

Анна робко улыбнулась, принимая комплимент. Его похвала всегда ощущалась как оценка на экзамене, но со временем она привыкла. В конце концов, этот экзамен она сдала на пять.

Официант бесшумно, словно тень, подал блюда. Еда действительно оказалась безупречной, несмотря на то, что Анна не любила морепродукты. Она жевала медленно, заставляя себя концентрироваться на вкусе. Это помогало удержаться в моменте, не позволяя мыслям соскальзывать в бесконеч-

ный самоанализ.

Артур был надежен, как гранитный фундамент этого здания. Он заботился о ней. Это было главным, даже если иногда его забота ощущалась, как непрошенное вторжение.

Зал галереи «Созвездие» встретил Анну ослепительным, белым светом. Все лампы были выкручены на максимум; их лучи целились ровно в стеклянные кубы витрин, превращая каждую каплю полированного серебра в слепящую искру. От этого обилия направленного света её глаза быстро устали. Ей казалось, что пространство вокруг потеряло объем, став плоским, как глянцевого разворот журнала.

Народу было слишком много. Чужие, незнакомые люди заполнили зал, создавая сплошную, медленно шевелящуюся массу. Пахло дорогим парфюмом, сухим шампанским, лаком для паркета и влажной шерстью пальто — на улице начинался мелкий осенний дождь. До Анны долетал сплошной гул голосов, в котором отдельные слова тонули, как в вязком сиропе.

Яна, в строгом черном брючном костюме, чувствовала себя здесь как рыба в воде. Она порхала между гостями, смеялась, пила шампанское и с абсолютной легкостью рассказывала историю создания каждой вещи. На её фоне Анна, стоявшая у центральной витрины, казалась застывшим манекеном. На ней было простое серое платье, воротник которого теперь казался ей слишком тесным, как удавка.

— Анна, верно? Ваша работа с дымчатым кварцем — это нечто поразительное, — к витрине подошла высокая женщина в массивных роговых очках. Она держала блокнот и смотрела на Анну с вежливым, профессиональным интересом. — Вы так тонко обыграли природную асимметрию камня. Расскажите, это была такая задумка или металл сам продиктовал форму в процессе литья?

Анна моргнула. Вопрос показался ей сложным, громоздким. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы просто перевести чужие слова в понятные образы. Лицо женщины, её очки, блокнот — всё это находилось слишком близко, врываясь в её личное пространство, как ураган.

— Я... я просто измерила каст, — тихо выдавила Анна, чувствуя, как щеки тут же залила густая, предательская краска. — Штангенциркулем. Четырнадцать и две десятых. Камень ложился ровно.

Женщина в очках удивленно приподняла бровь, очевидно ожидая более возвышенного, творческого ответа об искусстве и концепции.

— Понимаю. Прагматичный подход, — она вежливо улыбнулась и сделала пометку в блокноте. — Но подвеска выглядит очень поэтично.

— Да, Энн у нас перфекционист, она буквально живет миллиметрами! — Яна вовремя выросла рядом, мягко перехватив инициативу. Она протянула женщине визитку мастерской. — На самом деле, эта коллекция родилась из идеи

хрупкости природных структур...

Анна медленно отступила на полшага назад, растворяясь в толпе. Её сердце колотилось где-то в районе горла. Ей было невыносимо неловко за свою зажатость, за этот дурацкий, сухой ответ невпопад. Люди вокруг продолжали улыбаться, хвалить их бренд, рассматривать серебро сквозь стекло витрин, но для Анны этот вечер превратился в медленную пытку общением. Ей хотелось стать невидимой, уменьшиться до размеров атома.

Домой они вернулись поздно. Артур, который заехал за ней к закрытию, хвалил её за выдержку, но Анна его почти не слышала. Ночью она долго лежала в темноте квартиры, уставившись в потолок. Тело гудело от усталости, но сон не пришел. В ушах всё еще стоял монотонный гул чужих голосов, мешая мыслям окончательно затихнуть. Она чувствовала себя выжатым, пустым лимоном, у которого внутри не осталось ничего, кроме скованности в мышцах и необъяснимой тревоги.

После выставки телефон в мастерской не умолкал: заказы, вопросы о стоимости, просьбы повторить подвеску с другим камнем — лавина чужого внимания обрушилась на студию. Для Яны это было время абсолютного триумфа.

Анна сидела за своим рабочим столом, бездумно перебирая пинцетом мелкие жемчужины в прозрачном лотке-органайзере. Работать не хотелось, руки казались чужими и тя-

желыми. Из угла, где стоял стол подружки, доносился её звонкий, грудной смех. Яна буквально светилась. Она держала трубку плечом, одновременно листая блокнот и делая пометки ярким маркером.

— Да-да, конечно! Мы можем сделать оправу чуть тоньше, чтобы подчеркнуть глубину цитрина, — Яна затянулась своей ментоловой сигаретой, выпустив к потолку легкое облачко дыма. — Я прекрасно вас понимаю, для помолвочного кольца это принципиально. Не переживайте, мы вложим в него всю душу. Спасибо вам за такие слова, это безумно приятно!

Она положила трубку, шумно выдохнула и тут же потянулась к чашке с остывшим чаем. Её лицо лучилось той редкой удовлетворенностью, которая бывает только у людей, нашедших свое место. Для Яны каждый такой звонок был подтверждением её нужности. Ей было жизненно важно знать, что их украшения приносят кому-то осязаемую радость, что в их труде нуждаются. Чужая благодарность наполняла её энергией, заставляя двигаться быстрее.

Анна смотрела на неё, и в ее груди медленно поднималась зависть. Не злая, а скорее тоскливая. Ей тоже хотелось уметь просто взять себя в руки и говорить, не выстраивая в голове сложные витиеватые фразы, не прокручивать в мыслях все свои ходы перед каждым «алло». Почему для Яны мир был таким понятным и гостеприимным пространством, а для неё, Анны, он с каждым днем становился всё более

тесным и колючим? Почему обычный разговор с клиентом требовал от неё таких колоссальных, почти физических усилий?

«Яна права, — впервые отчетливо, без привычного внутреннего сопротивления подумала Анна. — Дело во мне. Это не предвыставочный стресс. Что-то внутри меня сломалось, если я завидую даже обычному телефонному звонку».

Мысль о терапии больше не казалась чужой или постыдной. Теперь она ощущалась как последняя соломинка, единственный способ вернуть себе ту легкость бытия, которой Яна была наделена в избытке.

Вечером они ужинали на светлой кухне. Артур купил по дороге домой фермерский стейк и теперь с привычной сноровкой нарезал его на сочные, идеальные ломтики. Вся его фигура выражала спокойную уверенность. Он искренне гордился Анной. На выставке её заметили, бренд принес первую серьезную прибыль, а значит, её талант наконец-то получал то признание, которого заслуживал.

Анна долго крутила в руках громоздкую вилку из полированной стали. Напряжение, копившееся внутри после рабочего дня в мастерской, требовало выхода. Ей нужно было опереться на Артура, получить его одобрение на то, о чем она безостановочно думала по дороге домой.

— Артур, — тихо начала она, не поднимая глаз от тарелки. — Я думаю... мне, наверное, нужно сходить к психоте-

рапевту.

Артур отложил приборы и в легком замешательстве посмотрел на неё. Он как будто был сбит с толку.

— Милая, зачем? — его голос прозвучал ласково. — Все же хорошо, ты справилась. Вы за такие недели создали коллекцию, от которой вся галерея в восторге. То, что ты растерялась на выставке и покраснела — это же абсолютно нормально. Ты живой, чуткий человек, творец, а не бесстыжий торговец. Разумеется, эти камни много значат для тебя, я понимаю. Но волноваться не о чем.

— Мне кажется, я не справляюсь с этим давлением сама.

— Потому что ты пытаешься тащить всё на себе, — Артур улыбнулся своей самой теплой, открытой улыбкой и ободряюще сжал её пальцы. — Послушай меня. Эти доморощенные психологи просто зарабатывают на уставших людях. Сейчас каждый, кто просмотрел пару роликов в Сети, мнит себя профессиональным мозгоправом, но я не хочу, чтобы тебе вешали лапшу на уши просто потому, что ты переутомилась.

Он поднялся, подошел к ней со спины и положил руки ей на плечи, мягко, но уверенно массируя затекшие мышцы.

— У тебя есть я. Я готов полностью тебя обеспечивать, чтобы ты вообще не думала о деньгах. Возьми паузу. Спи сколько хочешь. Мы уедем на выходные на дачу, можем навестить мою маму, подышишь воздухом. Доверься мне. Я сам обо всем позабочусь, ладно? Тебе не нужны врачи. Тебе нужен просто отдых и покой.

Анна закрыла глаза, чувствуя, как под его сильными, заботливыми пальцами уходит физическое напряжение. Его слова были такими логичными, такими правильными, что ей стало невыносимо стыдно за то, что еще минуту назад она сомневалась в его идеальности.

— Хорошо, — тихо сказала она, прижимаясь щекой к его ладони. — Наверное, ты прав. Я просто очень устала.

Около полуночи, когда Артур уже ровно и глубоко дышал во сне, Анна тихо выбралась из-под тяжелого одеяла. Ночная прохлада квартиры мгновенно коснулась её босых ног. Она прошла в темную прихожую, притворив за собой дверь спальни, и села прямо на пол, прислонившись спиной к холодной стене.

В руках у неё был телефон. Яркость экрана стояла на минимуме, но белый прямоугольник всё равно слепил уставшие глаза. На странице клиники «НоваМед» был вывешен синий баннер. Никаких онлайн-форм, никаких всплывающих окон чата. Только короткая строчка: *«Запись на первичный прием психотерапевта осуществляется строго по телефону регистратуры»*. Ниже шел крупный городской номер.

Анна уставилась на эти цифры. Звонить ночью было, конечно, бессмысленно, но то была лишь временная отговорка, несущественная отсрочка. Ей нужно было рано или поздно нажать на зеленую трубку. Нужно было, чтобы её выслуша-

ли. Но сама мысль о том, что сейчас телефон оживет, пойдут гудки, и на том конце провода ответит незнакомый человек, парализовала её.

Ей казалось невыносимым, невозможным объяснять чужому, равнодушному голосу в трубке, почему именно ей плохо. Что она скажет? «Здравствуйте, я дизайнер, я делаю украшения, но я завидую своей подруге, потому что она умеет разговаривать с людьми без страха»? Или: «Мне кажется, что мой парень слишком идеален, и от этого мне хочется бежать от него»? Это звучало глупо, жалко, как каприз избалованной девочки. Ей придется подбирать слова, формулировать суть, пока на том конце линии администратор будет фиксировать её имя в базе данных.

Палец завис над экраном. Сердце заколотилось в ребра быстро и часто. Она еще ничего не сделала, а лоб уже покрылся мелкой, холодной испариной.

«Я не смогу», — подумала она, признавая поражение. Страх перед простым звонком оказался сильнее, чем потребность в помощи.

Анна резко нажала кнопку блокировки. Экран погас, погрузив прихожую в абсолютную, плотную темноту. Она подтянула колени к груди и замерла, слушая, как за стеной, на улице, методично и тяжело шуршит по асфальту осенний дождь.

Глава 4. Право на слабость

В четверг мастерская была погружена в привычную рабочую атмосферу. Анна аккуратно раскладывала надфили в кожаный органайзер. Каждое движение было размеренным, почти ритуальным: плоский, полукруглый, трехгранный. Это успокаивало.

— Яна, слушай, — Анна не поднимала глаз от стола, как будто надеясь, что подруга ее не увидит, если их взгляды не пересекутся. — Я вчера заходила на сайт твоей клиники, «НоваМед».

Ковшик на плитке звякнул. Яна повернулась, держа в руке пинцет с зажатым серебряным колечком. Рыжая прядь выбилась из её пучка и смешно подрагивала у щеки.

— О как! Лед тронулся? И как успехи?

Анна почувствовала, как краснеет.

— Я не позвонила. Там нужно записываться только через регистратуру. По телефону.

— И? Занято было, что ли?

— Я не смогла.

Яна на секунду застыла, моргнула, а потом шумно фыркнула, опуская серебро на салфетку.

— Энн, ты серьезно? То есть ты спасовала перед какой-то тетенькой из колл-центра?

— Это не смешно, — Анна опустила голову, её свет-

лые волосы закрыли лицо, спрятав заалевшие щеки. — Мне стыдно, понимаешь? Я взрослая, дееспособная женщина. И я не могу набрать семь цифр, потому что у меня внутри всё сжимается от мысли, что придется чужому человеку объяснять, почему я... почему мне как-то не так. Это глупо. Это абсолютно нелепо.

Яна мгновенно посерьезнела. Она сдернула хлопчатобумажную перчатку, подошла к столу Анны и бесцеремонно вытащила из её кармана мобильный.

— Так, ша, на сегодня истерика отменяется. Давай сюда. Я сама тебя запишу, прямо сейчас.

Анна попыталась перехватить аппарат, но Яна уже ловко разблокировала экран своим длинным пальцем с облупившимся зеленым маникюром.

— Не надо, Яна! Прекрати, — Анна дернула плечом, чувствуя, как внутри нарастает паника. — Я сама. Позже. Мне нужно просто собраться с мыслями. Это мое личное дело, в конце концов.

— Твое личное дело — это когда ты выбираешь цвет трусов, — Яна уже уверенно искала в Сети телефон «НоваМед», удерживая аппарат на расстоянии вытянутой руки, чтобы Анна не дотянулась. — Сиди и не дергайся, сейчас Яна все порешает.

Анна откинулась на спинку стула, чувствуя странную смесь унижительного бессилия и огромного облегчения, пока ее подруга уже подносила телефон к уху, слушая первые

длинные гудки.

Яна прижала телефон к уху, нетерпеливо постукивая по столу длинным ногтем. В динамике послышался бодрый электронный писк, а затем — ровный, профессионально-любезный голос автоматического секретаря: *«Вы позвонили в клинику экспертной медицины „НоваМед“. Все наши операторы...»*

— О господи, даже у них этот ад, — Яна закатила глаза и выразительно посмотрела на Анну, которая сидела замерев, словно школьница перед кабинетом директора. — Расслабься, Энн. Никто тебя через трубку не укусит.

Анна молчала. Она смотрела на свои колени, слушая далекий, приглушенный шуршащий звук, доносившийся из динамика. Ей казалось, что Яна сейчас совершает что-то противозаконное и жутко постыдное.

— Да, здравствуйте! — Яна мгновенно включила свой самый обаятельный тон. — Мне нужно записать подругу на первичный прием к психотерапевту. К Зиминной Ольге Евгеньевне. Да, на ближайшее время.

Наступила небольшая пауза. Администратор на том конце провода, шурша клавиатурой, проверяла что-то на компьютере. Анна невольно затаила дыхание. Внутри неё боролись два полярных желания: чтобы место нашлось прямо сегодня, и чтобы свободных окон не было на полгода вперед.

— Как — только через полтора месяца? — Яна разочарованно надула губы, и рыжая прядь снова упала ей на лоб. —

Девушка, ну посмотрите повнимательнее. Может, кто-то отказался? Очень надо. Нет? Совсем глухо? Жаль. Ольга Евгеньевна у вас нарасхват.

Яна вопросительно взглянула на Анну. Та слабо мотнула головой, беззвучно шевеля губами: «Ну и ладно. Не надо». Но Яну было не остановить. Напористость, которая помогала ей выбивать скидки у поставщиков, включилась на полную мощность.

— А кто еще у вас принимает по вечерам? Нам нужен хороший, опытный специалист. Да, первичный. Что, кто? Де Векки? — Яна на секунду запнулась, пытаясь расслышать непривычную фамилию сквозь легкие помехи на линии. — А-а, хорошо. На следующую среду, на девятнадцать-тридцать? Есть окно? Отлично, пишите.

Она продиктовала фамилию и имя Анны и снова замерла, дожидаясь, пока на том конце провода закончат вносить данные в базу. Наконец, заговорила снова.

— Да, всё верно. Спасибо, до свидания.

Яна победоносно нажала отбой и бросила телефон на стол прямо перед Анной. Экран мигнул и погас.

— Всё. Дело сделано, — она вернулась к своему медному ковшику, который уже начал подозрительно шипеть на плитке. — В следующую среду в семь тридцать вечера ты официально идешь сдаваться медицине. К какой-то де Векки. Или какому-то, звучит как итальянский бренд одежды, но в «НоваМед» дураков не держат. Зимина говорила, у них

там жесткий отбор.

Анна медленно протянула руку и забрала свой телефон. Никакого страха уже не было, а было только смирение перед неизбежным. К вечеру невыносимая жара в мастерской спала, уступив место серому прохладному сумраку. Яна, развалившись в старом кожаном кресле у окна, лениво листала ленту новостей на планшете, то и дело пуская к потолку тонкие струйки ментолового дыма. Анна сидела за своим столом, но к работе больше не прикасалась. Она упорно, строчка за строчкой, вбивала поисковые запросы в телефон.

— Слушай, Яна... — она замялась, глядя на экран. — А как это вообще происходит? Ну, первый прием. Что нужно говорить? Есть какие-то правила?

Яна оторвалась от планшета и весело фыркнула, едва не выронив сигарету.

— Правила? Энн, ты серьезно?

— Я просто хочу подготовиться, — Анна нахмурилась, чувствуя себя глупо. — Вдруг я приду, сяду, а она спросит: «На что жалуетесь?», и я опять начну мычать, как на выставке. Я сейчас смотрю отзывы на форумах... Тут пишут про какие-то тесты, карточки с пятнами, методики. Некоторые врачи вообще молчат всю сессию и просто смотрят на тебя. Это же с ума сойти можно от неловкости. Я хочу понять, к какому типу относится эта де Векки. Но про нее в Сети почти ничего нет, даже фотографии, только сухая строчка на сайте клиники.

Яна от души расхохоталась, откинув голову на спинку кресла. Её рыжие кудри растрепались, вспыхивая золотом в свете уличного фонаря.

— Ой, не могу с тебя! «Инструкция по эксплуатации психотерапевта». Расслабься. Это не экзамен по сопромату и не прием у налогового инспектора. Ты приходишь, садишься в мягкое кресло и просто говоришь всё, что лезет в голову. Хочешь, ной про то, как тебя бесит Артур со своими ортопедическими стельками. Хочешь, жалуйся на меня и работу. Врач за это деньги получает, немалые, между прочим. Он обязан тебя слушать, даже если ты будешь просто тридцать минут перечислять названия минералов на латыни.

Анна вздохнула и заблокировала экран. Слова Яны звучали легко, почти шутливо, но внутри у неё всё равно оставался холодный, не поддающийся чужой иронии узел. Для Яны мир состоял из простых, понятных действий: пришел, сел, выговорился, полегчало. А Анна не умела «просто говорить». Каждое слово приходилось взвешивать, проверять на прочность и правильность формы, словно она отливала его в металле.

— Ладно, — тихо сказала она, убирая телефон в сумку. — Наверное, ты права. Я просто слишком много думаю.

— Именно! В этом вся твоя беда, — Яна поднялась и сладко потянулась, собирая свои вещи. — Меньше думай, больше доверяй процессу. Пошли домой, а то твой идеальный аналитик уже, небось, штраф тебе выписал за опоздание.

— Ян, а... — Анна запнулась, подбирая слова так, чтобы это не прозвучало слишком панически. — А эта де Векки... Она ведь не подумает, что я ненормальная? Ну, знаешь. Вдруг я начну рассказывать про то, как у меня голова трещит от шума города, а она решит, что у меня там... не знаю, сдвиг по фазе. И на учет поставит.

Яна застыла с наполовину застегнутой молнией на сумке. Она посмотрела на Анну с такой искренней, глубокой жалостью, словно та только что предположила, что Земля плоская.

— Боже, Энн, ну какой учет в частной клинике? Выдохни, — она решительно подошла к её столу и оперлась о него ладонями. — Ты что-то путаешь. Учет — это у психиатра. Между ним и психотерапевтом огромная разница. Огромная. Психиатр — это про тяжелые случаи и государственные дурки. А психотерапевт работает со здоровыми людьми. С абсолютно нормальными, просто уставшими, запутавшимися или выгоревшими. Как мы с тобой. К ним сейчас полгорода ходит, это как к косметологу сходить. Ментальная гигиена.

Анна немного расслабила плечи, но до конца не успокоилась.

— А там... в самой клинике. Мне придется еще с кем-то общаться? Ну, кроме этого врача.

— Да господи, нет, конечно! — Яна ободряюще улыбнулась и легонько щелкнула Анну по носу. — На ресепшене си-

дит очень милая девочка. Оплатишь прием, она тебе скажет номер кабинета. Всё. Дальше ты просто сидишь на диванчике и ждешь, пока тебя позовут. Никаких очередей, никаких злых бабок. Всё будет хорошо, Энн. Честное слово. Прекрати себя накручивать, ты здоровая, талантливая девочка, у которой просто сел аккумулятор.

Анна кивнула. Слова Яны, её уверенный, безапелляционный тон подействовали как местное обезболивающее. «Со здоровыми людьми». Это словосочетание приятно осело в мыслях. Она нормальная. Она просто идет подзарядить аккумулятор.

Дни до среды потянулись ровной, унылой вереницей. Анна морально готовилась к визиту в клинику, проживая в уме каждый возможный сценарий разговора, но дома её секрет оставался в безопасности. Артуру было не до неё.

В его инвестиционной компании начался квартальный аудит, совмещенный с закрытием крупных сделок, и Артур уходил из дома в семь утра, а возвращался ближе к полуночи. Его идеальный порядок теперь поддерживался на автопилоте. Он приходил выжатым, молча ел свой ужин, проверял что-то в планшете и ложился спать, едва касаясь подушки. Тишину и замкнутость Анны в эти дни он воспринимал исключительно как признак того, что она последовала его совету и наконец-то отдыхает от своей мастерской.

— Ты молодец, Энн, — сонно пробормотал он в пятницу

вечером, заметив, что на кухонном столе не лежит ни одного эскиза. — Даже выглядишь лучше, посвежевшей.

Анна только молча кивнула, убирая в посудомойку пустой стакан. Ей было легче от того, что он не задает вопросов, но необходимость скрывать от него принятые ей решения размывала фундамент безоговорочного доверия между ними, которым она так дорожила.

Вся суббота прошла под знаком подготовки к приезду его матери, Ирины Владимировны. Артур ценил семейные традиции так же высоко, как и рабочие дедлайны. Каждые три месяца его мама приезжала из пригорода на выходные, и квартира к её визиту должна была сиять безупречной чистотой.

Анна методично протирала все поверхности шкафов, расставляла баночки со специями по росту и проверяла, ровно ли висят полотенца в ванной. Её перфекционизм находил здесь странное, почти болезненное применение. Она заставляла себя концентрироваться на быте, чтобы не думать о приближающейся среде. Шаг за шагом, вещь за вещью. К вечеру субботы, когда в прихожей раздался короткий звонок в дверь, все было безупречно.

Ирина Владимировна вошла в квартиру ровно в восемнадцать ноль-ноль. Даже после двухчасовой дороги в пригородном поезде она выглядела так, словно только что покинула салон красоты. На ней было трикотажное платье глубокого синего цвета и идеально отглаженный бежевый тренч, ко-

торый Артур тут же принял и бережно повесил на плечики.

Она была крупной, статной женщиной с безупречной осанкой, аккуратной укладкой и неброским, профессионально выполненным макияжем. На её шее мягко поблескивала классическая, тяжелая золотая цепочка якорного плетения, а на пальце красовался массивный перстень с безупречно ограненным сапфиром глубокого василькового оттенка. Камни были фабричными, посаженными в глухие золотые касты. Анна невольно опустила глаза: её собственные тонкие серебряные ветви и асимметричные кварцы рядом с этой весомой роскошью казались хрупкими игрушками, не имеющими права на жизнь в серьезном мире. Ирина Владимировна, руководившая крупным филиалом государственного банка, ценила вещи, которые буквально олицетворяли надежность.

Ужин проходил под негромкую классическую музыку. Анна приготовила запеченное филе индейки с пряными травами и легкий салат. Ирина Владимировна ела маленькими кусочками, держа вилку и нож с той сноровкой и грацией, которая вырабатывается годами привычки.

— Анна, дорогая, индейка просто чудесная, — Ирина Владимировна мягко улыбнулась, и её теплый, выверенный голос заполнил уютную тишину кухни. — У тебя врожденное чувство меры. Артуру очень повезло.

— Спасибо, Ирина Владимировна.

На столе тихо завибрировал тонкий смартфон мамы Ар-

тура в строгом кожаном чехле. Экран вспыхнул от череды уведомлений. Женщина вздохнула, изящным движением поправила золотой браслет на запястье и взяла аппарат.

— Простите меня, ради бога, — она виновато, но твердо посмотрела на Анну, а затем на сына, быстро перебирая пальцами по экрану. — Всплыл аудит по филиалу в области, коллеги совсем потеряли голову без контроля. Я буквально две минуты, хорошо?

— Конечно, мама, мы понимаем, — Артур ободряюще кивнул, его лицо светилось искренним уважением к материнской занятости.

Анна смотрела на них двоих сквозь тонкое стекло своего бокала с водой. Они были сделаны из одного теста: функциональные, успешные элементы единой, работающей без сбоев системы. Они умели управлять людьми, филиалами, собственным временем и даже своими эмоциями. Ирина Владимировна отложила телефон экраном вниз, снова превращаясь в идеальную гостью, и принялась расспрашивать сына о его показателях за квартал.

Анна сидела молча, слушая их ровный, неспешный диалог, и чувствовала себя бесконечно далекой от этого праздника целеустремленности. Под ложечкой снова заныло от напряжения. Ей нужно было соответствовать. Нужно было держать лицо перед этой безупречной женщиной, которая так ласково одобряла её скромность.

Среда наступила слишком быстро, словно время между выходными и серединой недели кто-то безжалостно смял в один сплошной невнятный комок. В мастерской Анна весь день не находила себе места. Инструменты валились из рук: она дважды роняла пинцет и никак не могла поймать нужный угол при шлифовке. Яна, поглощенная сборкой крупного ожерелья, только понимающе поглядывала на неё, но с расспросами не лезла, за что подруга была ей молча благодарна.

В шесть вечера Анна сняла рабочий передник, повесила его на крючок у двери и повернулась к Яне.

— Я пойду. Пешком прогуляюсь.

— Давай, Энн. Ни пуха, — Яна ободряюще подмигнула, не отрываясь от горелки. — Всё будет отлично. Придешь домой — черкни мне в сообщениях, как всё прошло.

На улице было сыро и ветрено. Октябрьский вечер быстро наливался густой, сизо-черной темнотой, в которой ломались и расплывались отражения неоновых вывесок на мокром асфальте. Анна шла медленно, поглубже спрятав руки в карманы тонкого шерстяного пальто.

Внутри неё всё дрожало. Ее охватило странное, щекочущее беспокойство, похожее на рой испуганных бабочек, бьющихся крыльями о стенки желудка. Делая шаг за шагом по холодному граниту плитки, она почти физически ощущала, как приближается к неизбежному. К необходимости выворачивать душу перед абсолютно чужим человеком. Её мозг,

привыкший к рефлексии, без остановки прокручивал сценарии предстоящего разговора. Она тщательно, до мелочей сортировала факты своей жизни на те, что можно показать, и те, что нужно оставить в тени. Она расскажет про предвыставочный стресс. Про дурацкую неловкость в галерее и про то, как сильно устают глаза к вечеру. Не более того.

Постепенно эта сортировка мыслей принесла неожиданное успокоение. Анна замедлила шаг перед перекрестком. Ей вдруг пришла в голову простая и ясная мысль: де Векки совершенно не знает её. У них нет общих знакомых, способных выдать ее подноготную с потрохами. Для нее она — чистый лист, первый встречный с улицы. А раз так, то всё происходящее в ее кабинете будет не более чем представлением. Спектаклем, где Анна сама пишет сценарий. Она сможет показать только то, что сочтет нужным, выдать ровно столько правды, сколько требуется для создания правильного образа. Мнением де Векки о себе она сможет легко и изящно управлять, оставаясь в абсолютной безопасности за фасадом тщательно дозированной истины.

С этим чувством легкого превосходства Анна свернула за угол. Впереди, сияя безупречно чистыми стеклянными панелями и мягким интерьерным светом, её ждала клиника «НоваМед». До приема оставалось ровно пятнадцать минут.

Глава 5. Доктор де Векки

Диагностический центр «НоваМед» занимал новое многоэтажное здание из темного стекла и бетона с фасадом цвета мокрого асфальта. Анна остановилась у подножия широкого крыльца, выложенного серой плиткой. Рядом с массивными стеклянными дверями висела огромная, начищенная до зеркального блеска латунная табличка. На самом краю верхней ступени, прислонившись спиной к металлическому поручню, курил охранник. На нем была тяжелая черная форменная куртка с жесткими погонами и крупной, вышитой желтыми нитями нашивкой «АванGuard» на рукаве. На широком портупейном ремне тускло поблескивал пластиковый корпус рации, а чуть ниже, мерно покачиваясь при каждом его вдохе, висела короткая ребристая дубинка. Охранник лениво выпустил дым в сторону сырых октябрьских топей и проводил Анну коротким, безучастным взглядом.

Анна потянула на себя тяжелую стеклянную дверь. По рукам мгновенно ударил плотный, сухой и теплый поток воздуха из тепловой завесы. Внутри пахло смесью дорогого цитрусового освежителя, свежего пластика и едва уловимого аромата парфюма. Она отошла к широкой колонне, облицованной светлым искусственным мрамором, и открыла сумку. Пальцы слегка замерзли на улице и теперь двигались немного медленнее, чем обычно. Анна достала кожаный кошелек,

щелкнула тугой металлической кнопкой и заглянула внутрь. Она взяла деньги с большим запасом, чтобы не пришлось краснеть, если на ресепшене ей озвучат другие цифры, и она окажется в глупом, постыдном положении перед администратором. Дважды пересчитав купюры взглядом, она закрыла кошелек. Время здесь будто растягивалось, каждая секунда ощущалась длиной в целую вечность.

Справа от центрального входа на стене располагался огромный стенд из оргстекла с белыми заклепками по углам: там была доска почета. Первой в ряду дипломов висела большая, глянцевая фотография. Анна вгляделась в нее, пока застегивала сумку. На снимке лучезарно, обнажая ровные белые зубы, улыбалась молодая женщина с выразительными черными глазами и густыми каштановыми волосами.

«Сотрудник месяца. Детский психолог, лауреат международных конкурсов „Здоровье ребенка“ и „Рука помощи“. Участник научно-практической конференции „Проблемы детской психологии“. Автор программы реабилитации „Победа над страхом“. Доцент кафедры психологии государственной академии психологических наук Агафонова Эльвира Эскеровна».

Этот бесконечный, тяжеловесный список регалий доцента Агафоновой словно придавил Анну своим авторитетом. Здесь всё было слишком солидно, слишком правильно.

Анна подошла к высокой стойке ресепшена из белого искусственного камня. Девушка-администратор с безупреч-

ным каре и в фирменном шейном платке улыбнулась ей точно такой же ровной, стандартизированной улыбкой, как и Агафонова на фото.

— Здравствуйте. Вы к кому? — её голос был мягким, тщательно отрепетированным, без единой живой интонации.

— Здравствуйте. Меня записывали на девятнадцать тридцать к доктору де Векки, — Анна постаралась сказать это как можно спокойнее, но почувствовала, как воротник пальто снова стал давить на шею.

Администратор быстро застучала по клавишам тонкой клавиатуры. На слегка запыленной поверхности монитора отразились бесконечные строчки таблиц.

— Да, Анна, вижу вас. Первичный прием психотерапевта. Третий этаж, триста четвертый кабинет. Вы можете воспользоваться лифтом в конце коридора, сразу за зоной ожидания.

Анна кивнула, заплатила за прием и забрала чек. Не желая создавать лишний шум, лифтом она решила не пользоваться, заметив рядом с ним широкую лестницу, выложенную светлым кафелем. Шаг за шагом, слушая глухой стук собственных каблуков по кафельным ступеням, она медленно поднималась вверх, крепче сжимая в руке сумочку с деньгами и документами. Спектакль начинался, и ей нужно было успеть занять свои позиции.

На лестничном пролете между вторым и третьим этажами пахло моющим средством с какой-то химозной отдушкой. Навстречу Анне, тяжело переставляя ноги в растоптан-

ных форменных сабо, спускалась уборщица в безразмерном синем халате и резиновых перчатках. Очевидно, стерильная чистота в клинике была делом ее рук. В одной её руке было зажато тяжелое пластиковое ведро с грязной мыльной пеной, в другой — швабра с мохнатой серой насадкой, с которой на чистый кафель падали капли. Анна аккуратно прижалась спиной к прохладной стене, уступая дорогу, и уборщица прошла мимо.

На третьем этаже стояла густая, почти осязаемая тишина. Коридор здесь был длинным, узким и неестественно белым. На потолке ровными рядами светились светодиодные панели, из-за которых на свежевывытом полу не оставалось ни одной тени.

Анна зябко повела плечами. На всем этаже не было ни души, кроме одной посетительницы. Женщина лет сорока сидела на невысокой кожаной банкетке у стены. Вопреки ожиданиям Анны, она выглядела на удивление бодрой и собранной. На ней был стильный укороченный плащ болотно-зеленого цвета, на коленях лежал аккуратный ридикуль, а в руках она уверенно держала телефон, быстро прокручивая ленту новостей. В её позе не было ни капли той болезненной зажатости, которую Анна подсознательно ожидала увидеть у дверей подобного кабинета. Женщина выглядела так, словно просто ждала подругу в лобби дорогого отеля или сидела на приеме у косметолога перед обычной процедурой. Чуть выше её головы на стене висела золотая табличка с надпи-

сю: «Психолог». Ниже висела еще одна табличка: «Зими́на О.Е.».

Анна остановилась в пяти шагах от лестничного проема, чувствуя, как внутри всё мгновенно сжалось от острой неловкости. Её заготовленный сценарий: прийти, спокойно постоять у нужной двери, подышать и настроиться на нужный лад — рассыпался. Присутствие посторонних лишало её безопасного одиночества.

Женщина у двери Зиминой на секунду оторвалась от экрана и машинально подняла голову. Её взгляд — цепкий, живой и совершенно спокойный — скользнул по бледному лицу Анны. В этой непроницаемой тишине коридора даже шорох ткани ее собственного пальто показался Анне слишком громким. Она поспешно отвела глаза, делая вид, что увлечена изучением номеров на дверях кабинетов. Сердце заколотилось где-то в районе горла, окончательно разрушая остатки её напускного превосходства. Контраст между этой уверенной в себе женщиной и её собственной внутренней дрожью был слишком очевидным.

Неожиданно дверь соседнего кабинета открылась с мягким, едва слышным щелчком. В тишину коридора ворвался монументальный, хорошо поставленный женский голос, в котором угадывалась привычка говорить долго и убедительно.

— ...предоставить до двадцать пятого числа, — из кабинета вышла полная женщина лет пятидесяти. На ней был

темно-синий трикотажный кардиган, светлые волосы были аккуратно уложены и обильно залиты лаком, а на груди покачивались массивные пластмассовые бусы.

Следом за ней из дверного проема шагнул мужчина. Анна не успела отступить обратно к лестнице, её словно зажало в узком пространстве белого коридора. Слом шаблона произошёл мгновенно и безжалостно: она была свято уверена, начитавшись чужих откровений в Сети, что в таких клиниках потоки пациентов разводят до секунд, что никто ни с кем не пересекается. Но реальность оказалась будничной и неумолимой.

— О, Леночка, ты уже здесь? Заходи, дорогая, мы как раз закончили, — «пышка» лучезарно улыбнулась бодрой женщине в болотно-зеленом плаще, та легко поднялась с банкетки, и они обе скрылись за дверью с табличкой «Зиминая О.Е.», а Анна вдруг осознала, что коллега Зиминой и есть тот самый де Векки, которого она все это время считала женщиной.

Ей не удалось постоять перед его дверью, закрыть глаза, сделать несколько глубоких вдохов и войти в роль хозяйки положения. Он увидел её первым. Его взгляд: тёплый, внимательный и совершенно спокойный — зафиксировал её фигуру у стены до того, как она успела напустить на себя вид случайного прохожего.

Доктор де Векки оказался довольно молодым симпатичным мужчиной. Он был высок и, насколько Анна могла раз-

глядеть, хорошо сложен. Темные, густые волосы были зачесаны назад и собраны на затылке в слегка небрежный пучок. Из-за тонкой металлической оправы очков на Анну смотрели живые карие глаза. У него была аккуратная, коротко подстриженная борода, а белый халат, накинутый на темно-зеленый шерстяной джемпер, украшал его даже больше, чем дорогой костюм украшает миллионера.

— Анна? Здравствуйте, — его голос оказался неожиданно мягким, бархатным. — Я доктор де Векки. Проходите, пожалуйста, я вас как раз жду.

Он сделал полшага назад, придерживая рукой белую дверь триста четвертого кабинета и приглашая её войти. Кабинет сильно контрастировал со стерильной белизной коридора. Здесь не было холодного пластика и давящего верхнего света. Стены были оклеены обоями фисташкового оттенка, а два глубоких кресла обтянуты мягкой, приятной на ощупь рогожкой цвета небеленого льна. В комнате пахло чистотой, легким шлейфом кофейных зерен и ванилью. Окно было занавешено плотной римской шторой, отсекавшей огни вечернего города.

Анна вошла неслышно, её шаги утонули в толстом ворсе ковролина. Она опустилась в левое кресло, бережно пристроив сумку на коленях, словно щит. Де Векки прошел к своему рабочему столу из светлого ясеня. Кабинет психотерапевта в частной клинике был обычно лишен личных вещей, чтобы не отвлекать пациента. Но рабочий стол доктора

все-таки хранил следы его двойной профессиональной жизни. Анна мгновенно выхватила взглядом фонендоскоп с черными резиновыми трубками и хромированный неврологический молоточек с резиновым наконечником — атрибуты, выдававшие в нем сотрудника государственной больницы.

Чуть правее, прямо у подставки для ручек, стояла небольшая деревянная модель маяка. В отличие от остальных вещей, она была выполнена с какой-то запредельной, ювелирной аккуратностью. Каждая деталь, от крошечных ступенек у основания до тонких деревянных перекрытий смотровой площадки на вершине, была выточена с абсолютной, математической точностью. Маяк был выкрашен в ровные красно-белые полосы, на нем не было ни единого скола или помарки. Эта вещь явно требовала многих часов сосредоточенного, почти маниакального труда для своего создания.

Де Векки сел в свое кресло. Он заметил, как Анна осматривает кабинет, но не стал задавать вопросов и комментировать её любопытство, а просто дал ей время освоиться, не нарушая тишину поспешными расспросами. Тихо шурша закрепленными на подложке листами бумаги, он взял тонкую перьевую ручку и посмотрел на Анну с обезоруживающей, мягкой улыбкой.

— Ну что же, — негромко произнес он, и его магнетический голос окончательно заполнил пространство между ними. — Расскажите, что привело вас ко мне? С чего бы вам хотелось начать?

Глава 6. 50 минут

Под его внимательным взглядом Анна окончательно растерялась, напрочь забыв первую реплику, так тщательно отшлифованную за время ожидания приема.

— Может, вы для начала расскажете, как будет строиться наша работа? — робко предположила она, стараясь вернуть самообладание.

— Разумеется. Сессия — это ваше личное безопасное пространство. Всё, о чем мы здесь говорим, любые ваши мысли, чувства или воспоминания, останутся строго в этих стенах. Это правило конфиденциальности, и оно не имеет исключений. Моя задача — не судить вас и не ставить оценок, а помочь вам разобраться в том, что причиняет дискомфорт. Для этого нам нужно будет вместе наметить цель нашей терапии. Что именно вы хотели бы изменить в своей жизни? Вы мне скажете, какую помощь вы надеетесь получить от меня, а я скажу, какую помощь могу оказать в принципе. Мы подберем программу индивидуальной работы и приблизительно оценим сроки. И еще раз: вся информация о процессе лечения и все личные сведения останутся между нами. Уверяю вас, что я не имею права собирать или разглашать полученные данные. Даже сам факт посещения вами клиники, если пожелаете, можете сохранить в тайне.

Анна почувствовала, как под его ровным голосом ее за-

готовленный сценарий начинает слегка пошатываться. Его мягкость обволакивала, лишая её привычной необходимости защищаться. Чтобы не потерять ускользающее ощущение контроля над ситуацией, она поспешно ухватила за техническую, осязаемую сторону вопроса.

— А как часто нам нужно будет встречаться? — спросила она, чуть подавшись вперед и крепче сжимая пальцами кожаный ремешок сумки. — И сколько длится один прием? Ровно час? Что произойдет, если я... если у нас в мастерской будет срочный заказ, и я не смогу приехать? За сколько дней нужно предупреждать об отмене?

— Стандартная сессия длится ровно пятьдесят минут, — спокойно ответил де Векки. — Этого времени достаточно, чтобы поднять важную тему, но при этом не перегрузить вас. Обычно мы встречаемся один раз в неделю, в фиксированный день и время. Если вы поймете, что не успеваете из-за работы, достаточно написать или позвонить мне за сутки до приема. Тогда сессия просто переносится без каких-либо последствий. Вам понятны эти правила?

— Да, — Анна кивнула, делая глубокий вдох. Пятьдесят минут, один раз в неделю, за сутки. Мир снова обретал очертания понятной, работающей схемы. — Это мне подходит.

— Ну вот и хорошо. Теперь, когда со структурой мы разобрались, давайте вернемся к началу. С чего бы вам хотелось начать наш сегодняшний разговор?

Анна сделала небольшую паузу, незаметно расправляя

складки серого платья на коленях. Она выпрямила спину, как учила Ирина Владимировна, и заговорила ровным, слегка отстраненным голосом, который долго репетировала во время пешей прогулки.

— У меня в последние недели очень много работы. Мы с подругой держим ювелирную мастерскую. Примерно неделю назад у нас была крупная выставка в галерее, и подготовка к ней отняла слишком много сил. Я привыкла все делать идеально, контролировать каждый миллиметр, и сейчас мне кажется, что я просто выгорела. Знаете, обычный синдром хронической усталости. У меня часто болит голова, тяжесть в затылке к вечеру. А самое неприятное — я стала очень сильно уставать от людей. Мне некомфортно с ними.

— С кем-то конкретным или вообще? Простите мне мое природное любопытство, но я с вашего позволения немножко вас порасспрашиваю. Вы не против?

— Нет.

— Чудесно! То есть вы чувствуете, что тратите слишком много энергии на то, что раньше происходило само собой? — мягко уточнил де Векки. Он говорил очень бережно, словно боялся спугнуть её. — Мир вокруг стал отнимать у вас больше сил, чем обычно?

— Да, именно, — Анна почувствовала, как внутри неё неожиданно потеплело. Её поняли. Без осуждения, без снисходительного «возьми себя в руки», которое постоянно сквозило во взгляде Артура.

— Это очень изматывающее состояние, — де Векки едва заметно кивнул. — Когда ты должен ежесекундно держать лицо, тратя на это последние ресурсы. Я очень хорошо вас понимаю, Анна. Вы совершили колоссальное усилие, чтобы провести выставку, и ваш организм сейчас просто кричит о помощи.

Анна почувствовала, как её внутренние оборонительные баррикады, которые она так тщательно возводила всю неделю, начинают медленно, слой за слоем, таять. Спектакль больше не был нужен. Перед ней сидел человек, который не требовал от неё быть идеальной функцией.

— Знаете, Анна, то, что вы описываете: этот страх показаться неловкой, глупой или зажатой в глазах чужих людей на выставке — это абсолютно нормальная, здоровая реакция, — продолжал де Векки, и его голос звучал убедительно, весомо. — Наш мозг устроен сложно. Когда мы переутомлены, любая социальная оценка воспринимается как угроза. Желание выглядеть правильно, соответствовать ожиданиям окружающих — это как раз и есть главный критерий психического здоровья. Поверьте моему опыту: по-настоящему тяжелая, реальная болезнь выдает себя совсем иначе. Она начинается там, где человеку становится абсолютно безразлично, как он выглядит, что о нем думают и какую чепуху он несет. Отсутствие критики к себе — вот маркер патологии. А ваша тревога — это просто защитная реакция уставшей системы.

Анна перевела дыхание. Эти слова легли на её растревоженные мысли как прохладный компресс. «Абсолютно нормальная». Значит, Яна была права. Значит, все её ночные страхи перед сайтом клиники были просто глупой выдумкой.

— Давайте вернемся к отношениям с людьми и проведем небольшой мысленный эксперимент, — доктор мягко подался вперед, упираясь локтями в колени и сокращая дистанцию между ними. — Представьте, что вам нужно подойти к совершенно незнакомому прохожему и просто спросить, к примеру, который час. Что вы чувствуете в этот момент внутри? Как реагирует ваше тело?

Анна замерла, погружаясь в предложенный образ.

— У меня... у меня сжимается всё в груди, — тихо, прислушиваясь к себе, ответила она. — Горло пересыхает. Я чувствую страх... Неуверенность.

— Неуверенность в чем?

— Ну, может, человек спешит, неудобно отвлекать.

— А страх? Чем он вызван?

— Если честно, я не знаю. Просто ноги вдруг становятся ватными, и сердце стучит.

— Вы очень точно фиксируете свои ощущения, — де Векки удовлетворенно кивнул и сделал короткую, быструю пометку в своем блокноте. Он весь обратился в слух и слушал настолько внимательно, что на лице его появилась характерная складка между бровей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.